

Александр Никулин

Крестьянская доля Николая Доброго

До сих пор в России не прекращаются споры: остались ли в стране крестьяне или они исчезли уже к концу XX века под ударами коллективизации, индустриализации, сселения неперспективных деревень и рыночных реформ. На мой взгляд, крестьяне в России существуют до сих пор, однако их остается все меньше и меньше. И все же нынешний крестьянский образ жизни, беспрестанно трансформируясь под воздействием современной культуры, экономики, технологии, стремится остаться, по существу, именно крестьянским. Для доказательства мне бы хотелось реконструировать историю жизни одного современного российского центрально-черноземного крестьянина на фоне историко-культурных, а также экономических характеристик его села и домохозяйства.

Мне, как сельскому социологу, приходилось на протяжении многих лет проводить вместе с коллегами долговременные социологические исследования в селе Каликино Липецкой области, живя в доме главного героя этого очерка, имя и отчество которого я оставляю подлинным, изменив лишь его фамилию по названию района, в котором он проживает. О нем и пойдет рассказ. Но прежде чем познакомить читателя с Николаем Сергеевичем Добрым, скажу для начала несколько слов об истории и современном состоянии его малой родины.

Колино Каликино

Село Каликино расположено на правом берегу реки Воронеж в 60 километрах от областного центра — Липецка. Это большое центральнорусское село, живописно и хаотично раскинувшееся среди черноземных холмов на побережьях маленьких рек Гусятка и Слободка, впадающих в Воронеж. Сто лет назад в селе проживало более 6000 человек, на протяжении прошедшего века численность села уменьшилась почти в два раза. Сейчас в Каликино обитает около 3600 жителей.

Протяженность села в разных направлениях — до трех километров. Улицы, а по ним и своеобразные части села, имеют свои, местные колоритные названия: Костылиха, Городок, Тупик, Заулок.

Никулин Александр Михайлович — социолог, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Центральная улица — Большой Плант, или Большак, почти прямой линией пересекает село. От него ответвляются разнообразные улочки. Пространства в 150–200 метров в межулочных промежутках поделены между отдельными сельскими дворами. На дворе расположен дом, а за ним может тянуться от 20 до 50 соток земли, используемой, прежде всего, под огород с картошкой, потом под сад с фруктовыми деревьями и ягодными кустарниками.

В центре села на площади и в ее окрестностях сосредоточена почти вся местная инфраструктура: маленькие магазины с продуктовыми и хозяйственными товарами, почта, сельская администрация, клуб с библиотекой, школа, детский сад, больница, а также церковь, недавно возведенная взамен разрушенных в 1950-е годы двух старых каликинских церквей.

Краткая история села такова. Оно возникло в первой половине XVII века на плодородных пространствах, оспаривавшихся почти 500 средневековых лет в кровавых стычках меж Русью и кочевниками. К началу царствования Петра это место находилось уже в надежном тылу России. Именно здесь на окрестных лесистых берегах реки Воронеж Петр построил первый большой русский флот и спустил его вниз по Воронежу и Дону под Азов для очередной войны с Турцией. Кроме Петра также Екатерина Великая проездом на завоеванный Потемкиным юг посещала эти земли. Предание гласит, что Екатерине здесь понравилось, местные крестьяне душевно угощали ее только что разведенным новомодным картофелем. Довольная Екатерина специально обратила внимание своего двора на то, что крестьяне здесь добрые. Считается по одной из легенд, что именно после замечания Екатерины главное село окрестных земель получило название Доброе. Сейчас это село является райцентром, село Каликино расположено в пяти километрах от него, а соответственно весь район называется Добровским.

Лично я согласен с мнением проницательной матушки-государыни императрицы. Мне в полевых социологических исследованиях приходилось бывать в разных сельских регионах России. Как правило, везде сельские жители мягче и добрее городских, но, кажется, нигде мне еще не приходилось встречать более душевно отзывчивых селян, чем в Каликино.

Мое субъективное мнение может подтвердить замечательный английский антрополог Патрик Хедди. Несколько лет назад он руководил большим международным социологическим проектом «Семейно-родственные сети и социальная безопасность» и неоднократно бывал именно в Каликино, занимаясь антропологическими исследованиями. Жил он в доме Коли Доброго. И вот по результатам исследования Патрика выяснилось, что уровень семейно-родственной поддержки в Каликино оказался значительно выше, чем в других исследуемых семи селах и деревнях стран Европы — Швеции, Франции, Германии, Италии, Словении, Польши.

Некоторое время спустя я побывал у Патрика на новом месте его антропологической работы. Было это в сельской местности Германии. Оглядывая симпатичный саксонский ландшафт, я шутливо заметил Патрику: «А хорошо тут, ну прямо как в Каликино». Он в ответ бурно и горячо запротестовал: «Ты что?! Тут протестантская местность, они все вокруг аккуратные и точные, но ничего тебе не сделают сверх официально оговоренных обязательств. А в Каликино, хоть и грязь на улицах, и хоть, например, грузовик «лорри» поперек дороги поставь, люди его обойдут, ни слова не говоря, и дальше пойдут... Каликинцы добрые,

щедрые, они тебе стакан воды и тот, как говорится, от души подадут. А здесь... Здесь дадут тебе что-нибудь от души? Как же, надейся!»

Впрочем, вернемся к истории Каликино, точнее к его исторической географии. Село это, находясь на стыке различных черноземных регионов, успело оказаться под эгидой самых разных административных образований, последовательно побывав в царские времена то в Рязанской, то в Тамбовской губерниях. Начиная с советских времен, оно находилось в Воронежской области, а после — во вновь образованной в 1950-е годы Липецкой области.

В сталинский период Каликино после коллективизации жило тяжело, голодая особенно сильно в конце первой пятилетки и в засуху 1946–1947 годов. Сюда едва не дошел фронт во время войны с немцем. Противник уже захватил Липецк, каликинские бабы и подростки рыли окопы для обороны Красной армии, до села долетал рев артиллерийских канонад, на горизонте стояло зарево отдаленных пожаров, но фашистское наступление, докатившись до окрестностей, выдохлось и повернуло вспять. Огромное количество здешних мужиков погибло во время войны. До сих пор в Каликино вспоминают послевоенное время — вдовье, с тяжелыми налогами и пустыми трудоднями, длившееся вплоть до хрущевско-маленковских преобразований, как самое беспросветное. Зато колхозную жизнь от брежневского правления до распада Советского Союза большинство каликинцев совершенно искренне почитают за золотой век, когда у всех здесь была работа, гарантированная зарплата, развивалась социальная сфера села. В то время в Каликино функционировали два колхоза, был построен огромный совхоз-свинокомплекс, пространство меж реками Слободка и Воронеж было преобразовано в систему искусственных прудов громадного рыбопитомника, разводившего карася и карпа.

Впрочем, редкие критические голоса полагают, что тогда же стали наступать времена всеобщего сельского упадка и разложения.

По воспоминаниям самих каликинцев, а также городских каликинских мигрантов, периодически возвращавшихся в родное село, традиционная сельская повседневность стремительно стала меняться на их родине уже в 1960-е годы. Во-первых, стал активно возрастать исход, прежде всего, молодежи из села, так как в селе с 1952 года имелась полная средняя школа, по окончании которой более половины выпускников ежегодно стало подаваться на работу и дальнейшую учебу за пределами села. Этому способствовало также проведение дороги с асфальтовым покрытием через село Каликино, по которой стали ходить рейсовые автобусы в Липецк и на близлежащую железнодорожную станцию Чаплыгин. В это время в домах каликинцев стремительно распространились радиоприемники и телевизоры, а молодежь начала уходить в города. В итоге резко снизилось значение традиционных сельских праздников для самоорганизации местного сообщества. И вот уже в 1960-е годы обнаружилось, что нет более всенародной сельской гульбы на улицах во время основных религиозных праздников — Рождества, Пасхи, Троицы, Николы. Перестали праздновать многодневные свадьбы с гуляньем по всему селу, плясками и торжествами, непременно у жениха — два дня, у невесты — два дня. Вообще всенародные религиозные праздники в основном перемещаются на кладбище (Пасха и Троица), а раньше они отмечались по всему селу, во всех дворах.

Тем временем в Каликино пришла мода — отмечать индивидуальные дни рождения в узком семейно-родственном кругу, чего раньше принято не было.

Вообще традиции широкой сельско-соседской помощи в это время (например, в строительстве дома) начинают распадаться и сосредотачиваться лишь в отдельных семейно-родственных кругах.

Тогда же стали происходить большие изменения в организации труда и доходов сельчан. Сфера приложения труда стала более разнообразной, росли сельские доходы. Каликино всегда отличалось торговой неформальной направленностью домашних хозяйств. Как сами себя определяли каликинцы: «Мы село спекулянистое!» Но если до середины 1960-х годов они специализировались на «спекуляции» семечками, отправляясь соответственно с двумя-тремя мешками в Москву и окрестные областные центры, то в 1970-е годы здешние крестьяне сосредоточились на торговле картошкой и поросятами. В немалой мере это было вызвано тем, что во многих хозяйствах появились автомобили. Оно и понятно — появилась возможность возить в отдаленные места не легковесные семечки, а тяжелые мешки с картошкой.

Выросли также доходы от работы в общественном секторе. По воспоминаниям старожилов, на колхозном производстве уже можно было заработать приличные деньги, особенно на выращивании свеклы в полях и свиней на фермах. Эта работа сопровождалась ростом колхозного воровства. Тащили, прежде всего, мешки с зерном из полеводства и комбикорма из животноводства. За воровством в это время следили уже не так строго, а наказывали за него гораздо менее сурово, чем в сталинско-хрущевские времена.

Стремительно стало распространяться пьянство. До середины 1960-х годов здесь сильно пили только по большим праздникам. К тому же водка на селе раньше казалась очень дорогой, а за производство самогона раньше наказывали строже — сажали в тюрьму. В 1970-е годы пьянство в Каликино принимает характер эпидемии, широко пьют на рабочих местах, вслед за взрослыми к злоупотреблению алкоголем быстро приобщаются молодежь и подростки.

Именно в это время с середины 1960-х годов в Каликино настала широко-масштабная аграрная модернизация. В оба здешних колхоза щедрым потоком пошла новая сельхозтехника: комбайны «Нива», трактора МТЗ, ЛТЗ, ХТЗ, «Кировец», грузовики ЗИЛы, МАЗы и КамАЗы. На окраине села выстроили местное отделение «Сельхозтехники». Более того, на холмах, нависающих над селом, в начале 1970-х годов был выстроен огромный свинокомплекс на 50 тысяч голов (местные жители утверждали, что он строился по итальянской технологии) с двумя большими силосными башнями (с тех же слов, построенных по чехословацкому проекту). На равнине под холмами между реками Воронеж и Слободка сооружается обширная система прудов для разведения в промышленных масштабах карпа и толстолобика.

В результате проблем с местным трудоустройством не было: два колхоза, «Сельхозтехника», громадный свинокомплекс и обширное прудовое хозяйство требовали множества рабочих рук. Но несмотря на столь разнообразные перспективы сельской занятости, многие каликинцы и особенно молодежь уезжали из родного села в близлежащий областной центр Липецк, где в то время расширял производство гигантский Липецкий металлургический завод. Немало людей подалось в подмосковные города и села, где качество жизни, оплаты труда оказывались выше, чем в родном селе.

Как рассказывают мигранты того времени, покинувшие Каликино, но регулярно (раз или два раза в год) навещавшие своих родственников на Пасху или

Троицу, существенные изменения в жизни родного села они стали замечать на рубеже 1960–1970-х годов. Изменения усиливались до самого конца советской власти. В чем они заключались? Прежде всего, в целом стабильно росло благосостояние домохозяйств. Однако при этом слабели или утрачивались традиционные способы самоорганизации местного сообщества. Забывались традиционные трудовые умения и практики. Падала дисциплина и усиливались пьянство, воровство в общественном секторе. Все сильнее проявлялась неспособность наладить взаимовыгодное сосуществование личных подсобных хозяйств колхозников с крупным колхозным и государственным производством.

Приведу несколько характерных примеров из рассказов местных жителей.

Своеобразными отраслевыми брендами села с давних времен были картошка и свиноводство. Причем к 1950-м годам официально была отмечена особая порода каликинских свиней, которая даже демонстрировалась на ВДНХ СССР. Тем не менее в 1960-е годы местная порода свиней и в самом Каликино стала замещаться новой, которую каликинцы называли «английской». В конце 1960-х — начале 1970-х годов улицы села представляли собой живописную картину — по ним запросто и в больших количествах бродили свиньи каликинской породы. Все это были животные из личных подсобных хозяйств (английских свиней завозили в централизованном порядке и выращивали на свинофермах). Человеку со стороны могло показаться, что в Каликино — настоящее свиное изобилие, хлещущее через край из дворов. На самом деле хозяева часто выпускали своих свиней на улицу просто потому, что в личных хозяйствах не имелось или не хватало кормов, а получить их в общественном секторе было невозможно. Вот и бродили по всему селу вечно несъятые свиньи в поисках какого-нибудь пропитания.

А когда на близлежащих холмах раскинулся громадный свинокомплекс с поросятами все той же английской породы, каликинцы очень скоро поменяли собственную породу свиней на английскую. Причем эта смена совершалась часто по законам неформальной экономики. Например, работники свинокомплекса, проходя с работы через проходную, протаскивали под рабочими фуфайками маленьких поросят, которым предварительно делали усыпляющие уколы. Однажды доза снотворного, возможно, была недостаточной или поросята оказались слишком резвыми, и на проходной под фуфайкой у одного из работников проснулись и завизжали целых три поросенка. Эту историю в Каликино до сих пор вспоминают со смехом удовольствия.

Но уже без смеха, а с унынием припоминают экологическую катастрофу местного масштаба в начале перестройки, когда некачественно построенные сооружения для хранения навоза при гигантском свинокомплексе прорвало из-за сильных летних проливных дождей. В результате свиная жижа с холма, где располагались сооружения, потекла на большой заливной луг, традиционно служивший пастбищем для личных коров колхозников. Едкий свиной навоз на долгие годы обезобразил и испортил прекрасный луг, на котором уже невозможно было пасти деревенское стадо.

Другой характерный пример местной техногенной катастрофы прудового хозяйства и реакции на него местного сообщества связан с поломкой прудовых шлюзов в начале 1980-х годов.

Но сначала отметим, что в самом Каликино и его окрестностях есть несколько речек и озер. Так, в середине села протекает небольшая речка Гусятка,

на окраине она впадает в более крупную речку Слободку, которая в свою очередь через несколько километров впадает в реку Воронеж. Меж этими речками раскинулись небольшие озера. На них местное население издавна занималось рыбной ловлей, придерживаясь определенных правил и заботясь об экологии водоемов. Постоянно расчищали берега речки Гусятки от быстро растущего кустарника-ивняка, а хворостом топили свои печи. В конце 1970-х в Каликино провели газ, и надобность в печах отпала. В результате у каликинцев пропал интерес к расчистке берегов. Зарастая стремительно ивняком, маленькая Гусятка начала засоряться, на ней образовывались грязные, мусорные запруды, отчего даже изменился ритм весенних половодий этой речки. В это время бесконтрольно и интенсивно использовали удобрения на колхозных полях, откуда они попадали в местные водоемы. Из отравленных вод прежде всего исчезли раки, а следовательно, погиб и местный раковый промысел.

Немало вреда принесли и гигантские искусственные пруды 1970-х годов, оказавшие экологически негативное воздействие на окрестные речки и озера. Однако еще большее разлагающее влияние они оказали на каликинское сообщество. Работали в рыбных хозяйствах в основном малоквалифицированные, но сильно пьющие сельчане. И результат не замедлил сказаться.

В один из летних дней 1978 года двое пьяных рабочих, испортив электрический привод, по ошибке открыли створы пруда, переполненного взрослой рыбой. Вместе с прудовой водой в отводную канаву хлынул рыбный поток и потек в сторону Каликино. Весть о возможности поживы моментально разнеслась по селу. Толпа сельчан с ведрами, тазами, бидонами бросилась навстречу потоку. Напрасно руководство прудового хозяйства призывало сообща подналечь и механическим путем закрыть прудовые створы. Никто не откликнулся на призывы до тех пор, пока последняя рыбина не перекочевала из канавы в чью-то посудину. Выбрали все дочиста.

Удивительно, но каликинцы до сих пор вспоминают этот вопиющий пример упадка сельской нравственности и дисциплины без стыда, а с какой-то враждебной иронией по отношению к местному общественному сектору экономики, который стал обезличенно доминировать на их территории именно в 1970-е годы.

Впрочем, все познается в сравнении, что в полной мере относится и к дезорганизации традиционной сельской жизни. 1990-е годы привнесли в местную жизнь новые, доселе невиданные волны всеобщего хаоса. Приватизацию колхозно-совхозного имущества каликинцы встретили, как и свойственно сельским жителям, с недоумением недоверия. Приехавший на собрание по рыночной реорганизации местных колхозов инструктор из Липецка буднично увещевал механизаторов, робко топтавшихся на месте перед вступлением в приватизацию: «Чего страшитесь мужики?! Все эти кооперативы и паи, это так — смена вывески. Все будет по-старому!» И мужики действительно несколько поуспокоились. В позднесоветский период они настолько привыкли к частым сменам вывесок социально-экономических форм без перемен политико-экономического содержания, что каликинские трудовые коллективы почти единогласно дали добро на приватизацию колхозов, «Сельхозтехники» и свинокомплекса. Уже через несколько лет после приватизации обнаружили ее роковые последствия. В условиях невыгодных для села ножниц цен, резкого сокращения дотаций на сельское хозяйство обанкротился громадный свинокомплекс. Резко

снизили свое производство оба бывших колхоза. Лишь из некоторых приватизированных частей бывшего колхозно-совхозного имущества образовалась тройка местных фермерских хозяйств, но их экономический масштаб в целом был незначителен.

В 1990-е годы в Каликино началось массовое сокращение аграрных рабочих мест, а на оставшихся безбожно задерживали зарплату, хотя и была она дьявольски низкой. В постперестроечном разливе легкодоступных водки и самогона исчезали остатки сельской культуры и дисциплины, возрастали повседневные воровство и преступность. Но, впрочем, именно в это время прошла по Каликино судорога если не возрождения, то некоторого оживления активности крестьянских подворий. В условиях стихийного рынка и бартера, сокращения колхозного производства, возрастала самоэксплуатация сельского населения, вкалывающего на приусадебных огородах, разводящего крупный и мелкий домашний скот. Именно в это время многие каликинские подворья обзавелись тракторами и автомобилями, с помощью которых обрабатывали огороды, развозили на продажу в город свою и соседскую сельскую продукцию.

В первое десятилетие нашего века в Каликино окончательно обанкротились оба колхоза. Их землю и остатки недоразворованного имущества поставил под свой контроль российско-казахстанский агрохолдинг «Настюша», который лет пять назад пытался развить активную деятельность на липецких землях. Старееющее каликинское население в эти последние годы стало тотально сокращать крестьянское производство на личных подворьях, в селе все сильнее стала ощущаться безработица. Резче определилось социальное неравенство между несколькими десятками богатых и зажиточных домохозяйств, успешно проникших чрез врата приватизации в рыночное царство, и полутора тысячами остальных сельских семейств, безуспешно топчущихся в рыночном преддверье. Дойдя до конца этой краткой каликинской хроники, обратимся к началу повествования о местном крестьянине Николае Добром через описание жизненных миров его домохозяйства.

КОЛИНО ДОМОХОЗЯЙСТВО

На уклоне невысокой холмистой гряды, вниз от которой располагается небольшая луговая пойма Гусятки, вьется меж каликинских изб Зареченская улица. Ее обитатели любят упоминать, как часто в письмах к ним ошибаются адресом, называя улицу не Зареченской, а Заречной из-за засевавшего у всех в памяти названия знаменитого советского фильма. Весна на Зареченской улице знаменуется половодьем — затоплением поймы Гусятки до самых обитаемых холмов и выходом в открытую вешнюю воду больших и малых эскадр гусей, всю зиму таившихся от холода во дворах, а на весенней свободе салютующих наступающему теплу раскатами гогота.

Именно весной, когда зелень деревьев, кустарников, трав еще не скрыла очертания деревенских домов и дворов, хорошо виднеется на углу зареченского холма невысокий краснокирпичный сельский дом, отдельно стоящий на пересечении двух местных дорог. Дом не новый, и окружают его явно более новые постройки из серого силикатного кирпича. В них располагаются скотный двор, сарай, хозблок и гараж. Рядом стоит подержанная техника: старенький трактор

ЛТЗ, потрепанная «лада-девятка», три видавших вида грузовика — два газика и один КамАЗ. Живет здесь и хозяйствует на своем дворе сорокавосьмилетний Николай Добрый вместе со своей восьмидесятилетней матерью Евдокией. Оба они исконные уроженцы Каликино. Сергей — отец Коли и муж Евдокии, — местный колхозник, умер незадолго до распада СССР. Младший брат и сын Саша со своей семьей — женой и двумя сыновьями — уже десять лет как живет отдельно, через два дома от домохозяйства брата и матери. Рядом с домами Коли и Саши разбиты их огороды, каждый соток по сорок.

Николай Добрый — коренастый и худощавый, чуть выше среднего роста крестьянин, обветренное лицо которого изборозило несколько резко выраженных морщин. Серые глаза его, вечно внимательно удивленные, чутко меняют свое выражение с радости на печаль и обратно.

Я, безусловно, определяю Николая именно как крестьянина, хотя всем известно скептическое мнение наших дней, что в России крестьянство и крестьяне остались в далеком и недалеком прошлом. А потому считается, что хотя нынешнего сельского россиянина и можно метафорически назвать крестьянином, но, по сути, он таковым не является. Уже со времен шукшинских чудиков по своей культуре он перестал быть похожим на крестьян Шолохова и Твардовского, не говоря уже о крестьянах Толстого и Пушкина. Экономически же нынешний сельский житель далеко не чаяновский крестьянин, потому что в массе своей не ведет собственное самодостаточное натурально-товарное хозяйство, плодами которого питает себя, свою семью, продавая на рынке (или отдавая помещику или государству) излишки своего семейного крестьянского труда, кормя своей продукцией весь мир. Таким образом, нынешние сельские жители, работающие в агропроизводстве, — это в основном сельские наемные рабочие старых колхозов и новых агрохолдингов, бюджетная сельская интеллигенция, пенсионеры, мелкие торговцы, редко фермеры. Но и фермер, как известно, это прежде всего тот же рыночный предприниматель, а уж потом все сельское остальное...

Но мой Коля, как я покажу далее, есть именно крестьянин вполне в пушкинско-чаяновско-шукшинском значении, к жизни которого применимы даже древнегреческие гесиодовы крестьянские сентенции. Крестьянин в наше время в нашей стране (бывшей великой крестьянской стране) человеческий тип редкий, местами почти поголовно вымерший, но так до конца и не исчезнувший, о чем свидетельствуют Колины труды и дни.

Коля в детстве учился в каликинской школе, в советское время окончил местный районный сельхозтехникум, служил в армии, после демобилизации работал техником, трактористом и комбайнером в одном из здешних колхозов почти до самого его банкротства. Тогда же, в 1990-е годы, он, мать и младший брат — также шофер-механизатор — развили достаточно мощное подсобное хозяйство. Сначала семья приобрела старенький грузовик, потом подержанный трактор и необходимые к нему орудия. Семья Добрых специализировалась на выращивании картошки, моркови, лука и капусты, держали корову с теленком, поросят, кур и гусей. Коля обрабатывал своим трактором огороды под картошку для односельчан и вместе с братом занимался извозом на своем грузовике. Возил для односельчан сено и стройматериалы. Как ни трудны для села были 1990-е годы, но, по мнению Коли, в то время конъюнктура рынка на продукцию их подворья была неплохой. Именно к концу 1990-х годов семье удалось купить для брата Саши находящийся по соседству дом. Брат вскоре

женился, сейчас у него двое детей — мальчишек детсадовского возраста. Зажив на два дома, но сохраняя межсемейную кооперацию, братья во многом вели и ведут совместное хозяйство. За это время младший брат создал свое индивидуальное частное предприятие. Купив подержанный КамАЗ, он работает дальнотойщиком-частником по телефонным заказам, развозит грузы из Липецка и окрестностей в соседние области — от Москвы до Волгограда. В свободное от работы время Саша занимается сельскими домашними заботами. Николай, прикупив еще пару старых грузовиков, которые служат ему для разного вида перевозок, занимается местным извозом — для себя и для односельчан на местные недлинные расстояния. Как правило, возит не дальше Липецка. Ну и, конечно, Николай — весь в своем домохозяйстве, для которого и отстроил вышеупомянутые двор, хозблоки и гаражи.

Рассказывая о двух братьях, я решил сосредоточиться на судьбе старшего не случайно. Саша, похожий на Николая деревенскими обветренными морщинами, как-то воскликнул: «А ты посмотри на Кольку, он же настоящий крестьянин, а это по нынешней жизни никому не надо!..» Присматриваясь к братьям, я действительно видел, что Коля и впрямь в основном крестьянин, а Саша — крестьянин не совсем. Разница между ними заключалась, прежде всего, в их отношении к внешнему миру.

Младший брат фактически признавал главенство над ним большого внешнего мира и с готовностью стремился подчиниться ему на приемлемых условиях. По мнению Саши, колхоз времен его молодости был почти совершенной организацией. Работал он шофером, возил то, что укажет начальство, и туда, куда оно укажет. Его окружал большой колхозный коллектив, ему платили нормальную зарплату, он отдыхал в регулярных оплаченных отпусках и имел прочие социальные гарантии. А в нынешней жизни частного извозчика Сашу тревожит его одинокое занятие в условиях рыночно-государственной неопределенности, отсутствие вокруг какого-либо надежного трудового коллектива. Хотя и в нынешних условиях, как считает Саша, жить тоже можно — как-никак доход от своего КамАЗа он получает, по деревенским меркам, неплохой, если бы только налоги еще несколько снизили. Страна, по его мнению, управляется очень просто: наверху правит Путин, он дает указания своим московским подчиненным, а те указывают, что делать большому начальству на местах. Таким образом, липецкий губернатор, получив указания из Москвы, рассылает свои приказы по районам, районная власть доводит все эти указания до Саши в Каликино, и он готов их выполнять. Вот только часто решения власти представляются Саше неудобными и неверными — от дорожных знаков до автомобильных налогов. А тут еще на рынке последнее время такие цены на овощи, что, кажется, невыгодно заниматься даже собственным огородом. Но что поделать, как-то надо выкручиваться и приспособливаться. В целом это обобщенная рефлексия современного сельского обывателя-работника, в советские времена наемного, а нынче вольноопределяющегося.

Рефлексия же старшего брата Коли по поводу его взаимоотношений с миром государства и рынка иного рода. Она действительно более крестьянская. Во-первых, Николай отнюдь не идеализирует советскую колхозную систему. У этого кроткого и великодушного человека память о колхозной истории поглубже и пожесточеннее, чем у брата. Хотя он сам, конечно, не застал раннеколхозные времена, но Коля рассуждает про колхозную жизнь так: «А отняли

большевички (Коля любит в своих эмоциональных рассуждениях употреблять уменьшительно-ласкательные суффиксы в ключевых словах) нашу крестьянскую землю и заставили всех работать за свои палочки, трудодни. И чего это за жизнь была в советское время, что надо было испрашивать разрешения, где косить для своей коровы и когда косить?.. Вот так же стройматериалы для своего хозяйства так просто не достать, если только своровать где-то. А в колхозе, хоть и поддерживала советская власть сельское хозяйство лучше, чем сейчас, много бардака было. И особо мне не нравилось, что в колхозе я был подневольный человек. Вот сегодня тебе колхозное начальство говорит: "Иди тем занимайся", а завтра: "Иди этим..." Я как с девяносто шестого года забрал трудовую книжку из нашего разваливавшегося колхоза, так и не жалею. Я сейчас в сравнении с советскими временами вольный человек. Я сам себе график жизни определяю: когда хочу — работаю, когда хочу — отдыхаю».

К нынешнему государству у Коли тоже особые, крестьянские претензии. По мнению Коли, государство не понимает и не поддерживает деревенскую жизнь как таковую. Его село Каликино пропадает в безделье, потому что на селе нет работы, а работа крестьянская, которую можно делать всякому в своем подворье — никому не нужна, потому что цены на плоды крестьянского труда низки, как никогда.

В отличие от брата Саши, в основном ностальгирующего по колхозному корпоративу, брат Коля переживает, прежде всего, за нынешний распад самой социальной, или, как сказали бы в старые времена, общинной жизни Каликино. К тому же он по-крестьянски особо чуток к местной природе и может подробно и занимательно рассказать вам об особенностях любого клочка каликинской земли, со всеми обитающими на этой земле растениями, насекомыми, птицами и животными.

Мой учитель профессор Теодор Шанин, давая определение отличительных черт крестьянства, включил в него четыре основные характеристики (пересказываю их сжато, своими словами). Это семейный труд (1) во взаимодействии с природой (2) в малом сообществе со своей местной культурой (3) в маргинальном отдалении от государства (4). Все они в высшей степени присущи Коле.

Следует лишь уточнить две его персональные особенности. У Коли доброжелательная чуткость развита выше меры даже по масштабам душевно щедрого Добровского района, поэтому временами Колины слова и поступки напоминали мне героев Толстого и Достоевского одновременно — Платона Каратаева и князя Мышкина.

Едем мы однажды с Колей на его грузовике в Липецк. Уже на въезде в город нас остановил патруль ГАИ, тогда еще не ГИБДД. В подобные моменты предстоящего контакта, думаю, и водитель, и постовой внутренне ожесточенно напрягаются, при этом внешне сохраняя сосредоточенную доброжелательность. Коля же от души рассмеялся, захватил документы и, улыбаясь и искренне всплеснув руками, пошел навстречу милиционеру — молоденькому, рыжевато-конопачему, губастому сержанту, который заранее смутился при виде этого странного водителя. Я совершенно не помню, нарушил Коля правила или не нарушал, платил ли штраф, давал ли взятку или ничего не платил. Кажется, он ничего не заплатил, иначе я все же запомнил бы что-то определенное, хотя тут это не главное. Я помню лишь по-детски добродушного, как всегда, Колю, садящегося

после беседы с милиционером в кабину. И помню лицо того постового. Это был Савл, только что превратившийся в Павла.

Другая личностная особенность Коли заключается в том, что он никогда не был женат. Есть такие люди среди мужчин и женщин, отнюдь не закоренелые холостяки и синие чулки, которым по складу их характера, кажется, на роду написано быть замечательными семьянинами, но почему-то они так и остаются бессемейными. Похоже, Коля входит в их число. Он самоотверженно заботится о матери, поддерживает семью брата, в которой он лучший друг и воспитатель своих племянников, проводящих порой с дядей Колей (которого они кличут просто Коля) больше времени, чем с родными отцом и матерью. Умея прекрасно находить язык с детьми, Коля конечно же учтив, заботлив, обходителен с женщинами. Непьющий, нематерящийся, работающий, ласковый и заботливый, Коля мог бы быть истинным крестьянским отцом семейства, окруженный любящими и уважающими его женой и детьми, но до сих пор у него нет собственной семьи. Я с Колей почти никогда не беседовал о его семейных намерениях. Окружающие беседовали. Им Коля простодушно объяснял, что в Каликино он по сию пору не смог встретить женщину, которую бы полюбил. Без любви Коля не представляет, как можно жениться. А искать суженую за пределами Каликино он не может, потому что ему невозможно и на несколько дней отлучиться от домашнего хозяйства. Впрочем, как-то в беседе и со мной Коля обмолвился: «Как говорится, каждый мужчина должен посадить дерево, построить дом, обзавестись семьей и детьми. Деревьев я в своей жизни посадил много. Дом собственный (Коля живет в доме отца и матери) я планирую построить, почти все у меня для этого готово — и деньжата, и стройматериалы. А там, — с терпеливой надеждой добавил он, — может и семью создам...» Но по сию пору Коля не женат, и это, конечно, также выделяет его из заведенного вокруг сельско-крестьянского быта.

Колина рефлексия: работа и свобода

Здесь я перехожу к воспроизведению и комментированию обширных рассуждений Коли о том, как устроена жизнь и работа его самого и окружающих каликинцев. Размышления Коли я записывал на диктофон во время наших посиделок и прогулок. Меня интересовало, из каких основных элементов состоит его хозяйство, как он с ним управляется, как его хозяйство соотносится с хозяйствами соседей и односельчан, как сам Николай Добрый относится к большому миру вокруг его села — миру рынка и государства, миру Липецка и Москвы. Анализировать расшифрованные записи Колиных интервью — занятие увлекательное, но нелегкое. Николай в своих размышлениях часто и вольно переходил с темы на тему, так что его экономические размышления о доходности собственного хозяйства перетекали в описания сельской жизни как таковой. А они, в свою очередь, могли незаметно превращаться в рассуждения о трансформации окрестной природы и местной нравственности. Пытаясь навести порядок в наших многочасовых беседах (которые я воспроизвожу здесь лишь частично в структурированных фрагментах), я выделил, на мой взгляд, ряд наиболее существенных тем, которые более менее целостно характеризуют мировоззрение и экономическое поведение Коли. Первая часть приводимых здесь размышле-

ний связана с основными производственными факторами Колиного и других местных домохозяйств: с землей (прежде всего с огородами), машинами (прежде всего с автомобилями и транспортом) и разнообразными материалами (от кирпичей до отрубей). Крестьянин Коля самозабвенно роется в этом своем хозяйстве, зорко приглядывая за хозяйствами односельчан, часто сетуя, что он и окружающие его каликинцы порой проделывают много ненужной и бестолковой работы, что связано как с традиционной рутинной их существования, так и с непредсказуемой конъюнктурой рынка и невнятной политикой государства. Среди Колиных рассуждений имеются и малоуспешные попытки сформулировать четкие критерии доходности и прибыльности собственного домохозяйства. Попытки эти, как я специально здесь подчеркиваю, оказываются малоуспешными по двум причинам.

Во-первых, Коля не любит вести четкий учет под запись своих доходов и расходов. Он предпочитает хозяйствовать по старинке, на крестьянский глазок — по принципу, хватит или не хватит сил, времени, денег, материалов для той или иной его хозяйственной операции.

Во-вторых, потому что, несмотря на всю приблизительность своих подсчетов Николай все же, оказывается, придерживается определенной экономической стратегии, названной великим знатоком крестьянской экономики А.В. Чаяновым «стратегией трудопотребительского баланса». Николай в своем экономическом поведении не стремится как рациональный фермер-предприниматель к максимизации прибыли, но старается по-крестьянски традиционно оптимизировать свои труд и потребление, свои работу и отдых.

Последняя часть Колиных рассуждений посвящена размышлениям об окружающей его социально-экономической и культурно-экологической действительности. Самым неожиданным для меня и интересным оказался выход почти всех рассуждений Коли на его персональное ощущение свободы, которую он, на мой взгляд, понимает также очень по-крестьянски. Привожу записи его речей практически без правки, со всеми повторами и погрешностями, поскольку рассматриваю их как документ, а не литературное произведение.

Огороды и старики

«Весна начинается, и я трактором пашу огороды, почти у каждого ведь есть огороды. И спрос огромный на то, чтобы огороды копать, потому что всем нужно в одно время пахать. Вот земля подходит, надо пахать. Примерно десять дней пахота идет, десять дней. А у меня родственников человек двадцать, им надо помогать. И еще друзья, бабушки беспомощные, они тоже просят, чтобы я им помог огород вспахать. И пахать надо срочно. Но вот в Каликино сейчас пахать трудно, и те, у кого есть также трактор, они просто отлынивают от этого. Себе вспашут, и все! Просто потому что пахать и самому трудно, и трактор изнашивается, и заработок не такой уж большой. И они кому-то из своих родных, друзей, вспашут, и все! А большинство приходят за этим ко мне — друзья, знакомые или одноклассники, родные — все ко мне! Один дед бегал-бегал, никто ему пахать не хочет, и он тоже прибежал ко мне за помощью. И ко мне он подошел, уже не знает, как сказать, что вспахать надо ему тоже, и говорит, что мы с твоим дядей в школе учились вместе, и ты мне тоже должен вспахать. Во как! Это было года два назад. А у них, у деда, огород, неудобный такой — круглый

у них огород, на пригорке — как глобус, шар такой. И у них огород этот очень неудобно пахать. А пахать трактором лучше, когда земля узкая, но длинная, чтобы было, куда развернуться. А когда это все так вот, ты заехал, и некуда и разворачиваться. А так получается, что когда огород маленький, то получается, что времени на вспахивание я затратчу больше, а заработаю меньше. И трактор изнашивается больше, потому что он постоянно на сцеплении. И сцепление тогда горит, просто трактор гробится, вот так.

А когда картошка растет, то на ней ботва. И с картошки эту ботву надо скашивать. И раньше эту ботву мы скашивали обыкновенной косой. А если у кого посадки картошки соток двадцать пять—тридцать, то это косой надо помахать дней пять! Это, конечно, тяжело. А вот сейчас я сам сделал такое приспособление на трактор — такие вот четыре цепи, крутится редуктор вокруг, и вот эту ботву уже скашивает, и все это очень чисто получается. И в этом году на это тоже спрос был просто огромный, потому что всем эту ботву надо скосить! Все просят, а родных и друзей у нас так много. И вот раз я заехал в дальнюю половину села, и там кому-то тоже косил, кто-то очень просил. И я вот только на этот огород заехал, и тут же ко мне со всех сторон потянулись и тоже начали просить. То есть услышали шум мотора, и все потянулись ко мне — скосить ботву! Я им говорю, что не могу, но им же все равно надо. И начали они вспоминать, какие у нас есть общие родные, знакомые или друзья. И получается вроде так, что если я кому-то родня, то и там родня находилась, и вроде бы и я уже им тоже ботву должен скосить. А работа же эта трудная, пыльная, и трактористов не хватает, а эта работа необходима. И бабушки все напуганные, что скосить-то надо, но не у всех получается. И бабушки подходят, просят, глазенки у них такие настороженные, чуть ли ни плачут. И вроде так получается, что я если кому-то родня, то и им родня, то есть такой вот предлог находят. Один дед мне заявил, что с моим двоюродным дедом в Финскую кампанию воевал, и потому я тоже должен ему косить ботву. А я, честно говоря, вообще не помню того двоюродного деда. Вот так получается, по весне помогаешь всем, а зимой — это уже затишье, трактор мой никому не нужен.

Конечно, я пашу и кошу на огородах не бесплатно. У нас все деньги платят, это не зависит от того, родственник или не родственник. Хотя, понятно, с брата Сашки я денег не беру. И еще есть у матери брат, с них тоже деньги не беру.

Остальные же платят по той цене, которая здесь есть, никто с этим и не спорит — цены вполне устраивают. И тракторист, он уже диктует цену, он уже монополист, конкурентов уже нет. То есть конкурентов раньше было больше, а сейчас конкурентов уже меньше, почти нет. Но цену это я так сказал, что диктую, на самом деле не я ее придумываю, это все зависит от урожая, это все как есть. Вот, например, этой весной мы пахали, и чтобы вспахать одну сотку, это пятьдесят рублей. Это в среднем за такой огород. То есть получается, что если у кого-то сорок соток огород, то он должен две тысячи рублей заплатить. А за сезон где-то получается вспахать, наверное, огородов сорок пять — пятьдесят. Но это огороды не по сорок соток, это поменьше. Это огород примерно по двадцать — двадцать пять соток, максимум тридцать. Возраст уже преклонный у многих, и такой огород в сорок соток в принципе никто и не держит. Вот зайдешь к кому на огород, а половина огорода в бурьяне. Да, бурьяном зарастают огороды. А после всей этой пахоты я просто уже трактор ремонтирую, это сцепление. Все же конкуренты, конечно, есть, село-то большое, раскинулось. Я их всех знаю,

тракторов десять есть, которые тоже пахотой занимаются. Но я вот скоро тоже буду посмышленнее, поизбраннее подходить к пахоте. Просто вспахать-то можно, ты вспахал, деньги подержал. А потом деньги эти же отдал на ремонт трактора, и ничего за это дело ты и не приобретаешь.

Как подсчитать затраты и выручку от огорода?! А считается все это просто. Вот, например, бабушка имеет тридцать соток. И полторы тысячи, это вспахать. А сажать надо — за это тоже платит. Раньше лошадь сажала, а сейчас — нет. А это так сорок рублей за сотку. Вот ко мне тоже мужик приезжает, и у него есть такая сажалка. И вот бабушка полторы тысячи отдаст за то, чтобы вспахать, и тысячу триста рублей за то, чтобы посадить, получается две семьсот. Это она затратила. Потом картошка пошла расти, бабушка сама сорняки полет, обрабатывает сама. Потом еще нужно сделать междурядную обработку — это уже не тяпкой, как раньше окучивали, а это сейчас делается лошадкой или трактором. Но чаще лошадкой. Но ты же свою лошадку тоже не имеешь, но у нас есть хозяин с лошадкой. И ты этого хозяина просишь, и он приезжает с лошадкой и с сохой. Мне кажется, что и здесь по двадцать пять рублей за то, что он тебе окучит огород. И вот двадцать пять на тридцать, тоже получается, что семьсот пятьдесят рублей. И всего уже получается три тысячи четыреста пятьдесят рублей, по моему?! Нет, пусть будет три с половиной тысячи рублей.

И ботву косить. Может, бабушка и сама ее скосит. Но если все механизировано, то это опять двадцать пять на тридцать соток, тоже семьсот пятьдесят рублей. И уже получается четыре тысячи триста. И еще выкопать картошку, это по двадцать на тридцать, тоже шестьсот. Получается, уже шесть тысяч пятьсот. И хорошо, если урожай более-менее хороший. Она тогда с тридцати соток наберет три тонны картошки, это хороший урожай. То есть с десяти соток — тонна продажной картошки, это считается, что это уже хороший урожай. Нет, это даже слишком хороший урожай. Она две тонны наберет, в среднем, с тридцати соток! А трехтонный, это уже отличный урожай. И если она сейчас дорого продаст картошку, это по семь рублей, это четырнадцать тысяч. А затратила она почти семь тысяч!

Вот столько хлопот! Да, вот сейчас и отбили охоту у крестьян работать. Вот мы вспоминаем советское время, тогда мы с огорода зарабатывали одну тысячу рублей, хотя, конечно, тогда еще были рубли и копейки. Но все равно мы же понимаем разницу! Ведь тогда это были большие деньги, тысяча рублей! А затраты на все были маленькие. Тогда вспахать огород тракторами колхозными, это было двадцать рублей, и все. А лошадки колхозные, ее тебе конюх даст за бутылку. Не было такого, чтобы за лошадь оплачивать в колхозе, такого не было. Просто вот оплачивали за пахоту, за трактор, а лошадь за бутылку. И за землю тогда просто дрались. И вот эта одна борозда, которая делила огороды, за нее тогда просто дрались, потому что все это было выгодно. Если разделить все это на все борозды, то, наверное, одна борозда обходилась рублем в сто, можно было тысячу рублей заработать! И поэтому просто готовы были убить за эту землю друг друга. А зарплата у меня тогда была сто двадцать рублей, а чистыми получалось сто шестнадцать рублей. И это получается, что у меня годовой заработок на предприятии, а второй — это с огорода. А сейчас, вот это мы посчитали, это у кого хороший урожай был, а некоторые набрали только тонну или полтонны. И затраты такие же, а вычти, получается минус!»

Трактора и автомобили

«Есть у меня трактор ЛТЗ, то есть произвел его Липецкий тракторный завод, который погас сейчас — ничего от него не осталось! А вот минские трактора «Беларусь», это хорошие трактора. И в Липецке есть специальная база, там любую технику можно купить, и белорусскую тоже, не проблема — заказывай, тебе и домой ее могут привезти. И вот минский трактор «Беларусь», он стоит уже где-то больше половины миллиона, где-то, может, пятьсот пятьдесят тысяч рублей. Эти трактора крепкие, они и стоят таких денег, выносливые, разные действия производят, такой трактор может и пахать, и сеять, и культивировать, и косить — можно разные орудия к нему прицеплять. Минский трактор крепкий. А вот мой трактор липецкий, он слабенький, к тому же он с девяносто шестого года, уже двадцать пять лет проработал. И сейчас в него много денег приходится вкладывать, ремонтирую его постоянно. Я на него уже запасные детали купил, завтра ставить буду. Но я к нему уже так привык, трактор для семьи нужен.

Кроме трактора у меня есть автомобиль маленький, «девятка» девяносто восьмого года, это себя свозить куда-нибудь, и маму тоже — она, боюсь, скоро совсем передвигаться перестанет. И в садик детей перевозим, забираем их оттуда. Ездим в магазин. И если надо в район, за какой-то справкой, например. Вот в Липецк я ездил за запчастями.

И еще есть грузовая машина — «газон», ГАЗ-53, самосвал. У нее грузоподъемность четыре тонны, сама сваливает груз. А «газончик», трудно поверить, но он восемьдесят третьего года. Но я сразу делаю замечание, что для грузовой машины года не страшны, потому что там самое основное — это рама. И она не вечная, но долговечная. И вот у меня грузовая машина, у нее сварная рама, и поэтому она хорошо у меня работает, все нормально. А вот все остальное, вот, например, мотор, его отремонтируешь, и он опять почти новый. У легковой машины, это кузов, в основном он и бьется, и ходовая расслабляется. А грузовая машина, у нее срок годности большой. Можно взять для нее документы на другой год выпуска. Запчастей закупить и поставить, и она даже лучше, чем новая, будет выглядеть, это грузовая машина, это самосвал.

А КамАЗ я купил за двести тысяч, и это недорого, потому что ты не поверишь, у меня КамАЗ тысяча девятьсот семьдесят восьмого года — и я тоже не верил, когда покупал, но это так! В нем уже ничего нет родного, ведь в нем и внутри и снаружи все меняется. А такой же, двух-трехгодичный, он такой же точно груз перевезет, как вот и этот мой. И даже совсем новый будет делать все тоже так же. А в моей машине все менялось сто раз. Резину на машине надо менять каждые два года. А мотор, его починить можно. Резина, однако, дорогая и расходные материалы тоже. А вдруг какая крупная поломка, то я уже лучше тогда его сдам на металлолом. Вот некоторые на таких КамАЗах и еще с прицепом, у кого он есть, свеклу возят большим хозяйствам, но они уже очень сильно экономят — за тонну двести рублей, это перевезти. Хотя если его нагрузить, то он везет сразу двадцать тонн. И за один рейс он сразу две тысячи зарабатывает. И если два раза он съездил, то четыре тысячи в день заработал. А десять дней — сорок тысяч. Но здесь же опять вычитать надо на обслуживание, поэтому никак не разбежишься!

А КамАЗ — это такая хитрая машина, на ней надо работать часто, каждый

день. И еще работать на ней надо помногу, чтобы все это окупить! И вот КамАЗ, я как-то сразу и не подумал, может, я зря его купил, в принципе он и не особо нужен. Просто потому что я на КамАЗе за полгода заработал, может, тысяч тридцать, может, чуть побольше. А приходит время платить налог, за него надо заплатить. Вот в том году за дорожный налог заплатили десять тысяч рублей. Но это, может, и не так много, это для города. Может, в городе вы за легковые автомобили платите дороже. Но нам, для деревни, сделали здесь скидку, по сравнению с городом, и то для нас это много. Налог за дорогу — это обязательно, а то судебные приставы придут и все отберут. И кроме этого нужен обязательный техконтроль — все это тоже надо делать в одно время. И вот это где-то тоже тысяч пятнадцать, а то и больше. И мне надо к началу января это заплатить, я уже деньги на все это отложил. А вот когда лес горел, то наши соседи, они работали в лесу, и оттуда вот на эту полянку они возили еще бревна, подворовывали. То есть они и работали, и им еще натуроплату давали бревнами. И они этот лес продавали. И кому продадут, то меня потом просят, чтобы я отвез это, и я возил это на пилораму.

И вот еще сейчас, под осень, был спрос на навоз. Но навоз, это тоже не прибыльное дело, потому что я полторы тысячи отдавал за то, что мне грузили навоз. А я брал три тысячи за то, что уже его привез сюда. И я за все это заработал, примерно тысяч тридцать пять, это немного. А надо чем больше, тем лучше. Вот если бы примерно каждый день зарабатывать две тысячи чистыми на КамАЗе, но ведь так не получается».

Строительство и материалы

«Я вот еще хотел купить материалы для ремонта в доме. Но вот пока это откладывается — это пока подождет, деньги нужны на ремонт трактора. Но потом, может, КамАЗ продам или еще какой-то автомобиль продам и сделаю тогда ремонт. Еще сейчас хотел купить лес-кругляк и распилить его хотел на досочки, и себе оставить. Есть частные пилорамы — привози им кругляк и все сделают. Но можно купить сразу и доски готовые уже. Я подсчитал, что с моей техникой, выход материала получится дешевле.

А вот этот участок... мать на меня заключила Договор ренты. То есть я мать пожизненно содержу, кормлю, а этот участок уже мой, то есть он уже на меня оформленный. И я сейчас полноправный хозяин этого участка. И здесь место есть, можно домик здесь поставить. Может, он сейчас и не нужен, но вдруг потом ребятишкам пригодится. Или у меня жизнь сложится — семья появится. А материал-то разный нужен. И здесь мужичок тоже домик построил, очень хороший домик получился, кирпичный, быстро строится, теплый такой — сейчас любой проект можно сделать. Но это надо собрать почти один-два миллиона, чтобы сделать такой хороший, но не шикарный, конечно, дом. Но вот если со своими материалами, подвозом, то в эту сумму вполне можно уложиться.

Я одно время металлолом собирал, у меня даже в сарае сейчас куча лежит. А сейчас металлолом, он дорогой, по семь тысяч за тонну. И у меня сейчас лежит тонн восемь, наверное. Это где-то пятьдесят тысяч, так получается.

А вывезти металлолом можно в тот же Липецк. Раньше мы с товарищами сами грузили, в прошлом все то, что валялось на свалках. А вот потом, как металлолом начали принимать, так мы и стали собирать. Но я вот в числе

первых узнал про металлолом, что его принимают. И я иногда заезжал на свалку, за «Сельхозтехникой», и я один за час с лишним накидывал четыре тонны металлолома. А потом металлолома становилось все меньше. И потом металлолом почти уже не найдешь, его уже просто нет. Это я просто чудом этот металлолом насобирал — кто-то его предложил, у кого-то во дворе скопился. Теперь этот металлолом мой стратегический резерв. А одно время у нас было такое, что мужички местные у нас тут скупали, а потом этот металлолом возили продавать, но я как-то это не застал. Вот перед кризисом в Липецке металлолом доходил до восьми тысяч рублей за тонну. А эти мужички скупали тут по пять тысяч за тонну. И потом вдруг там металлолом резко упал в цене. И те, кто покупал этот металлолом по этой цене, они тогда остались в убытке. О, они просто потом локотки кусали. Не знаю, отвезли ли они металлолом по той цене, себе в убыток или ждали, но вот сейчас он опять стал дорожать. Но это постоянно вот так, если металлолом купил где-то по низкой цене, то его нужно сразу сдавать, чтобы не попасть в убыток. Но этот у меня как раз лежит в НЗ. Если кто-то предложит килограмм сто, то возьмешь, так вот и растет понемногу эта моя резервная кучка.

Я попробовал уже пару раз изготавливать кирпичи, но почему-то у меня крепость не получается. Ездил я в Липецк, мне все пояснили, и какая пропорция, и я цемент хороший взял — пятисотый, но почему-то крепости у меня нет, и все! Надо приступить к кирпичам, но все опять свободного дня не хватает. Вот настроение даже появилось попробовать, надо площадку устроить, сделать. Я даже узнавал, у меня есть ребята, которые делают эти кирпичи. И у них себестоимость кирпича двадцать рублей, а доход получается десять рублей с кирпича. Они сказали, что за день могут сделать пятьсот штук. То есть получается, что пять тысяч прибыли. Хотя, конечно, прибыль-то не совсем. То есть вот себестоимость, это двадцать, но еще же и рабочим надо заплатить! Я не знаю, что там получается у них, какая отдача, но прибыль должна быть. Но у меня пока все равно крепость у кирпича не получается, вот еще проблема в чем. И я даже песок с реки привез — такой мелкий-мелкий, белый. И у него крепость лучше, а чего-то я опять к кирпичам почему-то не приступил. Как день начинается, то туда надо, то сюда — все какие-то важные дела, — никак к этим кирпичам не приступлю.

Например, в Липецке есть мукомольный завод. А у мукомольного завода остаются отходы, они называются отруби. В Москве ведь есть хлеб из отрубей? Есть! Такой хлеб очень полезный. И я вот беру с этого мукомольного завода отруби, на корм скоту. Это подходит и для свиней, и для коров, для всех. И я привожу это, и по заказу населению это раздаю. Я в среднем беру груза пять тонн, и все это продаю за месяц. И с этой машины я в месяц зарабатываю пять-шесть тысяч.

Но это все легально — пожалуйста, приезжай на мукомольный завод и покупай. На проходной тебя пропускают, записывают номер машины и все. Цены у них, правда, меняются каждый месяц. Обычно с осени, когда новый урожай пошел, то цены там самые низкие. А потом уже постепенно идет на повышение цены. И к весне опять ниже, потом опять чуть повыше. А в том году, когда по весне уже, то цены были очень высокие, и людям просто невыгодно было это брать. Но все равно они брали, хотя бы просто докормить скотину, чтобы не перевести всех под нож, вот у кого свиноматочки — надо бы их выра-

тить. Ведь отруби, это хорошие корма. Мы ими кормим свиней, они отруби едят с удовольствием и хорошо растут.

Я раньше был один в моей спекуляции отрубями, а сейчас у меня уже конкуренты есть — и в магазинах частных тоже теперь есть отруби. Даже на почте у нас отруби эти продают. О, у нас на почте сейчас все продают!»

Рынок и кредит, доходы и прибыль

«Мы с братом не вникаем в финансовые дела друг друга. А вот помощь у нас всегда была взаимная, потому что в одиночку нам никак не справиться. Картошку мы сообща всегда убираем, потому что одни не справимся. У меня сорок соток огорода, а у Саши даже чуть больше. Два у него участка, один — за домом, а другой — через асфальт.

Засаживать у нас каждый год одинаково получается, что у меня, что у Саши. Мы просто места меняем в огородах под свеклу, картошку, морковь. Например, если в этом году вот здесь была свекла, то на следующий год она будет уже там, допустим. А в принципе все, что видишь здесь на столе, то мы сами и выращиваем: это лук, морковка, огурец, помидор, свекла. Но для всего этого площади мало нужно. А в основном у нас земля под картошкой.

Скотины мы стали держать последние годы поменьше, видишь, и корову мы с матерью сдали, оставив пару поросят, хотя Сашка корову держит и нас молоком снабжает. В общем, сейчас с каждым годом спрос на мясо становится меньше. Получается, так что корма дорогие, а мясо почему-то дешевое. И на мясе нам заработать не удастся. То есть корм дорогой, и если его в колхозе украсть не удастся, то невыгодно получается со скотиной возиться.

Насчет торговли на далеких рынках я какой-то невезучий! Я сколько раз пробовал хоть картошку продавать, но почему-то не получилось у меня никакой выгоды от этого. Они рынки какие-то разные, и потом, на каждом рынке хорошие дни торговли, они же тоже разные. То есть как-то на них тоже надо специализироваться. Я вот был как-то раз в Москве на вашем Кунцевском рынке, продавал, это года четыре назад было. Но как-то цена даже была хорошая, дороже, чем на других рынках. И места дорогие были, где мы стояли. Но вот мы попали на четвертое ноября, это День согласия и примирения. И в этот день время только двенадцать часов дня, а они рынок уже закрыли — покупателей нет, и все! Хотя покупатели за забором и стоят, а охранники их почему-то не пускают! Это, наверное, для безопасности, боялись, чтобы теракта не было. И мы ведь за место заплатили, а картошку так и не продали. Я, как всегда, еще и домой спешил. То есть я просто тем, кто со мной приехал отсюда тоже, я им по дешевке продал, чтобы машину освободить, и я уехал. Вот сколько раз бывал я на рынках в Подольске, в Жуковском, но так картошку и не продал, не везет как-то. А труд этот все-таки тяжелый — едешь, а по трассе то там, то там машина в кювете валяется, и задумываешься, вдруг и со мной такое будет?! Находясь в таком постоянном напряжении, не стал я больше ездить по рынкам. А ведь на тех рынках с нас все эти лишние поборы бывают, всякие там ездят и нас обирают. Но в этом году у меня была такая мысль опять попробовать картошку продать. И я даже хотел сначала поехать на тот же Кунцевский рынок, посмотреть на цены, стоит ли ехать с картошкой или нет смысла. Но пока еще не ездил. А машина моя, она теплая, я ее утеплил сам пенопластом, можно бы съездить на разведку.

Есть у нас такая реклама «Россельхозбанка», она каждый раз идет, и проценты маленькие — так заманивают нас. Но не соглашусь ни за что, потому что это жить в долг, постоянно под напряжением. Просто нет никакой гарантии, что я кредит этот верну в срок и вообще верну. Берешь, например, под скотину, а она дешевет, и все! Что это такое, а запчасти все дороже и дороже, ну как же это можно?! Вот такая штучка, она двести сорок рублей стоит! Там металла сорок грамм, а она столько стоит. А мне нужно три, я их три купил, ну и что?! Стартер шесть тысяч стоит! И так денег на все не хватает.

У меня такая плохая черта, что я не считаю, сколько я трачу и сколько зарабатываю. И что считать, если я один. Хотя надо, просто «на карандаш»! Ну в среднем получается, что пятьдесят тысяч на огородах я заработаю. А есть же еще расход — горючее. И то, что изнашивается техника, это трактор. Горючее, это сразу видно, солярка сейчас стоит двадцать шесть рублей. И масло тоже подливается. Но это не ремонт, это расходные материалы. И солярки я сжег тысяч на шесть-семь, даже, может, и больше. А вот тогда я уже заработал, наверное, сорок тысяч. А вот еще летом сено я косил, но учет тоже не вел, хотя надо бы себя заставить это регулярно делать, вести учет. Некоторым я косил в долг, некоторые еще до сих пор не заплатили за сенокос. А косили мы за двадцать пять рублей за сотку! Но тоже огороды у кого есть, это по десять-двадцать соток. Еще косили мы огороды, засеянные травой для кормов. И на лугу косили. На лугу, там большой простор, и просто шагами отмеряешь столько-то шагов, скажешь, что столько-то здесь соток — согласен? Согласен! Ну а там хорошо, там большой простор. И я вот на лугу одному человеку скосил, наверное, гектар и заработал где-то две тысячи. Но это сразу в одном месте, так-то удобно. А не то что по селу ездить — там пятнадцать, там двадцать соток скосить, и там уже гектар не так удобно косить. А поляну — это хорошо, там я примерно за один час заработал две тысячи. И я один косил, а потом мы еще косили и сообща. И я вот там скосил, а потом там я собрал уже сено в валик. А товарищ мой затюковал, и потом мы уже это продавали, и уже все это разделили. Я больше участия принимал в работе, но его были грабли, то есть это уже техника его. И потом, мы договорились, что ему идет сорок процентов от всего заработка, а мне — шестьдесят процентов. Но здесь я также не могу сказать, сколько мы заработали. Но примерно мы продали тюков шестьдесят. Мы продавали по восемьсот рублей. И это получается сорок восемь тысяч. И если шестьдесят процентов, то я заработал тридцать тысяч, а он восемнадцать тысяч от сорока восьми тысяч?! А это мы за три дня сделали. И потом еще дополнительно я развозил на своем «газоне» эти тюки по домам. И я за это с тюка брал по сто рублей за перевозку. Я три тюка сразу везу и триста рублей уже получаю. Но этого мало, конечно.

Примерно тридцать огородов я скосил. И потом, мы же еще и своими огородами занимаемся, это тоже долго. У нас скосили огород — два участка, — два дня потеряли. И у брата Сашки тоже огород — три участка, тоже три дня! У нашего двоюродного брата тоже есть огород, у него три участка, тоже три дня. И поэтому у нас тоже много времени уходит на наши огороды. Я на них проползал неделю. А потом, когда мы картошку уберем и продадим с наших огородов, то я за это все заработал пятнадцать тысяч. Но просто мы же вместе живем и вместе работаем, друг другу помогаем, это мы всегда так работали вместе, так было, так и будет, это уже не в счет оплаты, а вот так, по-родственному. Но мы еще хоть что-то получили за нашу картошку, а есть у нас в селе и такие, которые

больше потратили на все это, то есть ушли в минус — кто на одну тысячу, кто на полторы! То есть вот к чему мы пришли, и вот почему так получается?!

А вот лук, морковка, свекла, это все только для себя заготавливаем, это едим и все — не продаем. И это вообще все дешево. То есть моя товарная продукция, это картошка и скотина. Но доход у меня выходит даже выше от шоферско-механизаторской деятельности — вспахать, скосить, перевезти. Как я тебе уже сказал, я все это с карандашом не подсчитываю, это моя неряшливость, но это так! В целом же все и накапливается — оттуда доход чуть-чуть, оттуда чуть-чуть. Опять же в какой-то сезон наймусь работать на комбайн — урожай убирать в колхозе-агрохолдинге».

Колхоз и инвестор

«Раньше колхоз план давал. И любой ценой приходилось выполнять этот намеченный план. И если колхоз выполнил план, то тогда председатель молодец, ему была хвала и честь. А в последнее время у нас председателем колхоза был Артемов, государство у колхоза зерно не брало, заказа на него не было. Как известно, сначала был Госплан, потом — госзаказ, а потом уже ничего не было! И вот колхоз тогда ездил и продавал зерно в Подмоскovie, на фураж — по деревням ездили. Просто там упрасивали, чтобы купили это зерно, чтобы потом на эти деньги технику приобрести, такая ситуация тогда была. Потом одно время стали уже зерно брать элеваторы, но тоже по низкой цене. И не было никакой модернизации, как сейчас говорят, никакого обновления — как построили, так и стояло. Еще коровники в то время как-то держались, ремонтировать тогда уже стали хуже — стекла пленкой затянут, дыры тряпкой заткнут, и все тише и тише работа в колхозе....

А сейчас на наши колхозы объявился собственник другой. Пришел инвестор «Настюша», лет шесть тому назад, наверное. И руководитель у них был какой-то Пинкевич. И он сюда к нам приезжал. И в первый год он привез сюда с собой известных артистов, Лолита там была и многие другие артисты. И Пинкевич выступал. И он так все круто говорил, что похож даже был на бандита — с таким гонором: «Я вам дал технику, дал технологию. Вы работайте, а мы будем вам платить! И механизатор в год должен получать шестьсот тысяч рублей». И мы тут обрадовались. То есть это же пятьдесят тысяч в месяц!

А потом «Настюше» в соседнем колхозе он подарил шесть машин. Да это «семерки» он подарил лучшим механизаторам. А нашему колхозу от него досталась одна «десятка». Но мы посоветовались с нашим директором и решили, что эту сумму надо поделить на всех. Но вот все похлопали ему, когда он сказал, про шестьсот тысяч в год на одного механизатора, но все равно ему никто не верил!

«Настюша», оказывается, набрала кредитов, а потом не выплатила их, и банк стал технику у нее отбирать — трактор один, потом — второй. А потом и комбайны. И так по чуть-чуть и отобрали. И остался один новый комбайн и два новых трактора, и все. А остальную технику банк забрал, потому что они не были оплачены, брали в кредит.

Пользы «Настюша» нам не принесла — урожай плохой был. Хотя, конечно, погода была плохая. Но все-таки и агротехнология тоже была нарушена. Вот наш сосед фермер Касьян, он посеял пораньше, и урожайность у него была лучше, потому что он все сделал нормально. И убрал он тоже пораньше. То есть он как

частник, и он все хорошо сделал. А вот «Настюша», у них пять человек, и они желали работать, но у них то семян нет, то солярки нет. Или еще есть масса причин, но как так у них все это получалось, мне это трудно понять! И по-прежнему у них есть главный агроном, и есть управляющий, и второй управляющий, и там их таких человек восемь наберется. А рабочих у них всего пять человек! Сейчас мы трактористов по пальцам пересчитаем — Пудин, Базов, цыган какой-то, Леша Киверов и еще кто-то пятый, не помню сейчас. И еще водители — Чернов, Овсянников, Ванька... Хотя водители, они вроде и числятся, а вроде и нет... И уже начинается высшее управление — бригадир, директор Лункин. И управляющий Юрка. Сан Саныч, неизвестно кто он там есть, но он на окладе. И еще главный охранник, я про него забыл. Потом главбух. И еще экономист-кассир. Потом заправщица-кладовщик. И еще та, которую я упустил, она у Пескарей в будке сидит. Получается, что их восемь человек, которые на окладе. И еще человек шесть охранников, они охраняют полевой стан Сосенки, где вся техника стоит и еще они ферму охраняют. То есть восемь человек бухгалтерских и еще восемь-девять человек охранников, они все на окладе, они ничего не производят, они пользу в принципе не приносят. Много охранников, но платят им по четыре, шесть, восемь тысяч, вот и все! Но и это, может быть, хорошо, потому что хоть и четыре тысячи у охранника за месяц, но он сутки отработает, а двое дома. И получается, что он десять смен в месяц постоял, и у него уже есть четыре тысячи, это смешно или не смешно, я даже и не знаю, как сказать!

А сначала в две тысячи шестом году работников у них было много, человек девяносто, может быть, но это вместе со свиноплексом, а может, и все сто десять человек!

Когда общаешься с мужиками, то в основном такая же песня везде. Если куда-то какие-то инвесторы пришли с деньгами, понимающие, и хотят они работать, то там еще более-менее, и урожайность тоже есть. А вот если это инвесторы не те, как наша «Настюша», то там все далее разваливается».

Дороги и власти, взаимопомощь и рознь

«Но прогресс, конечно, у нас виден, дороги немножко сделались получше, но я тебе в связи с этим скажу, что и люди у нас интересные, то есть разные — некоторые люди у нас раньше бросали мусор прямо на дорогу. А дороги же раньше были проселочные, грунтовые! И допустим, трактор в грязь проедет, и уже остается такая глубокая колея. И какая-нибудь бабушка вынесет в пакете какие-то бутылки пустые, какой-то мусор, еще что-то, что осталось, и бросают многие, как эта бабушка, все в эту колею. Они просто считают, что трактор проедет по всему этому мусору и втопчет это все — в бездну куда-то это все уйдет: дорога все сжует. Но вот уже последние года четыре-пять каждое лето стали по нашим улицам делать твердое покрытие. То есть это еще не асфальт, а щебень мелкий. То есть по улице щебень мелкий раскатают, разровняют, но для нас и это хорошо. И люди уже и этому рады. И вот вчера и сегодня, на той улице сделали тоже твердое покрытие такое же, а то они все время ходили по грязи. И вот еще, когда ежегодное собрание, то глава администрации приглашает всех на отчетное собрание. И он на этом собрании отчитывается перед населением, то есть перед нами, что было за этот год сделано. Ведь мы же его избрали — народ, и вот он отчитывается: на какую сумму деньги истратили,

что сделали и что еще сделать предстоит. И вот он сказал, что улицы в большинстве своем уже все почти сделали. То есть почти на всех улицах сделали хотя бы щебеночные дороги, немного осталось щебнем покрыть все остальное, и дело только в деньгах. Но мы вчера с рабочими разговаривали, которые делают эти дороги, и они говорили, что согласны делать нам любую работу, но дело только в оплате. Им ведь тоже для покрытия дорог нужно щебень приобрести в Липецке — щебень за просто так никто же не даст. И им нужно довести щебень сюда. Хотя у них и свой транспорт, но горючее дорогое все равно, им нужны деньги на солярку, чтобы щебень сюда довести. То есть рабочие готовы все это сделать, но дело в оплате. То есть администрация их наняла и заплатила, и мы этому рады. А рабочие сейчас нам могут даже асфальт положить, для этого у них все есть, но дело только в оплате.

И люди так же стали совсем другие: помочь что-то сделать, то уже некого порой попросить. А если вдруг и решишься попробовать попросить кого-то, то он может и отказаться, сказать, что у меня свои дела. То есть вот так, хотя я сам по себе знаю, что когда день начинается, и ты, чтобы с пользой его провести, ты просто и не знаешь за что сначала ухватиться. И так довольно часто получается — сегодня вот трактор ремонтировал. А завтра опять трактор буду доделывать, еще не все успел сделать. И если бы, например, и ко мне кто-то пришел, попросил бы ему помочь, я, может, тоже отказался бы. Просто не могу, потому что мне завтра на работу, а я не успею отремонтировать трактор, а это мне просто необходимо доделать. А у нас еще интересно то, что мы с детства друг друга знаем — кто чем дышит, кто какой, кто что может сделать. И ты как бы в собственном и соседском соку все время, всегда на виду у всех. И видно, что некоторые злятся и меж собой не дружат, кто-то кого-то обманул или грубо кому-то сказал, или сказал плохое за глаза, мы все это видим, знаем друг о друге. И все это иной раз просто накапливается, и потом уже народ друг на друга косится, поэтому и взаимопомощи сейчас как-то не дождешься. Может, это сейчас и везде так, но очень заметно, что сейчас народ стал объединяться только со своей семьей и все... Конечно, из родных кто-то помогает, если в огороде что-то надо сделать, какие-то тяжелые весенние или осенние работы. Но вот, например, убрать во дворе или навоз вычищать, это никто друг другу помогать не ходит, это все сам делаешь, это уже только твоя работа. Если мебель привезли кому-то, то помогаем друг другу тоже. Или, например, у кого-то стройка, то тоже помогаем! Но уже реже, реже... Сейчас и у нас стали нанимать или настоящих строителей, или гастарбайтеров.

Что еще нас всех немного объединяет, то это праздники. Хотя у нас праздник только один, и он самый веселый, это Новый год. Нет, еще один настоящий праздник — Проводы зимы. На Новый год елка ставится в ДК. И там с гармошкой кто придет, и ребятишкам устраивают танцы, а кому постарше — дискотеку. И еще такой всенародный праздник, который пока всем нравится это Проводы русской зимы. Этот праздник проводится на улице, вокруг Дома культуры. Там песенки, шуточки, кто и что может исполнить. И конкурсы проводятся — кто лучше споет, кто кого перепляшет. И еще проводится такое поднятие гири, кто канат перетянет, на столб кто залезет! И в конце зимы чучело сожгут, и это тоже весело. И хоть это каждый год проводится, но все равно не надоедает, все равно интересно и весело всем. И кто-то приходит посмотреть на ребятишек, которые там выступают, это тоже так интересно и душевно. А больше пока ничего такого

нет. Вот раньше у нас довольно часто проходили концерты, это еще в советское время, приезжали какие-то маленькие ансамблики с гитарами. Но они не были такими уж известными, хотя и были из разных других городов. И они часто приезжали. И всегда было так весело, мы их ждали. И цирк часто тоже приезжал. И гипноз тоже приезжал, это вообще очень интересно было. Гипнотизер вызывает на сцену кого-то из наших, что-то с ними на сцене делает, и у нас просто глаза вот такие были! А вот после перестройки уже никто не приезжал, и сейчас уже ничего такого нет».

Богатство и бедность

«А среди наших жителей нет большой разницы, кто победнее, кто побогаче. Конечно, есть у нас в Каликино те, у которых есть частный магазин, вот они отличаются от нас. У них и домики поуютнее, и автомобили крутые у них, и в доме все в достатке. Это как бы наша элита. Торгаш у нас самый богатый, а те, кто на земле пашут, у них в принципе дохода мало!

Фермеры есть богатые. Хотя наш самый богатый фермер Касьян... Кто его знает, чем богатый он? В прошлый раз я был у него в доме, в углах — плесень! Он вроде деньги имеет, но он же хочет купить технику, вот копит деньги, технику покупает, а в дом ничего не приобретает. И у него недвижимости много — земли много и техники. А техника, она же много затрат требует. Он вроде и детям совсем не помогает, но дети-то у него уже взрослые. И я не знаю, как его богатство оценить. Фермер Касьянов, он как эксплуататор. Он нажал на людей, пообещал столько-то денег, но может и обмануть. Он сам по себе такой хитрый мужик, он сам про себя говорит, что «на мой век дураков хватит»! Он заманивает хорошими деньгами, по сравнению с нашими вроде побольше, а потом уже было так, что проработали по два месяца у него, а он зарплату не отдавал. То есть получается, что он такой эксплуататор. Но домики у него хорошие, и машинки тоже крутые.

А что еще есть богатство? Дачки — признак богатства! Много липецких в последнее время стали здесь дачи держать — выкупают старенькие домики здесь, дачи у них получаются. Некоторые богатые живут в Москве, а здесь, например, мать у них живет. Хотя мы же не знаем, что у них там есть в Москве — есть недвижимость или богатство или нет?! Есть здесь один москвич, мать его здесь живет. И вот он ей быстро так домик обустроил, окультурил, сделал так все быстро и хорошо. Ну, мы думаем, что у него там, в Москве валом всего, а на самом деле, кто же его знает?! И машина у него хорошая — приезжает на крутом джипе.

Есть у нас еще один такой житель. Забор у него капитальный, каменный, а домик у него похож на такие, которые стоят на Рублевском шоссе. Они с женой стали торговать, когда перестройка пошла. А тогда торговля как-то особо высоко котировалась. Они долго у нас стояли на рынке, торговали обувью, она у нас тогда в дефиците была. А потом ему кто-то подсказал, что какая-то московская фирма собирает металл. А ему сказали, что просто надо собирать клиентов, чтобы они это металл собирали бы и отправляли в Москву. И на этом металле он сколотил хороший капитал. И он укрупнился на этом металле, и сейчас у него три джипа крутых. И домик такой хороший, по московским меркам — коттедж такой. И у него все причиндалы — водный мотоцикл и квадроцикл. Зимой ездит он

в Сочи кататься на горных лыжах. То есть хорошо живет. И они сейчас какую-то еще площадку выкупили, где металл принимается — раньше они это брали в аренду, а сейчас это у них уже свое. И они все расширяются — фасуют еще цемент. И там еще пилораму построили. И сейчас наших мужиков к себе понесли на работу — строителями, рабочими, охранниками, то есть человек пятнадцать каликинских к себе туда взяли. И сейчас на него уже люди работают, а не он сам работает. У него прибыль большая.

А кто у нас бедный — это пьющий, старый, одинокий. Вот сейчас ко мне заглянут два товарища, они мои ровесники, а может, постарше. И они, например, с утра встают, а у них в кармане десяти копеек нет и не будет! Один с отцом живет, а мать у него умерла, когда ему четыре-пять лет было. А вырастила его неродная мать и воспитала. А сейчас и она тоже умерла. А отец такой крепкий мужичок, серьезный такой. А сын, он как с утра из дома уходит и только к ночи, может, домой возвращается. Приходит, дома тепло, отец за отопление платит, продукты тоже покупает, и они так за счет отца и живут. А сын нигде не работает, гуляет, водку пьет, вот и все заботы — спился окончательно. И еще один придет, Толя, он тоже спился окончательно. Но мозги еще есть, был он развитый парень очень, а сейчас очень много пьет. Но и сейчас может любой стих прочитать — Пушкина, Лермонтова. И в математике хорошо разбирается. А пьянка и его засосала. Кто ему подаст, от того он насобирает пятьдесят или сто рублей в день, он на них и пьет потом. И сестра у него в Завидовке живет, она ему еще как-то помогает деньгами, вот так. Ну, картошка у него своя есть.... Вот такие у нас бедные есть... А как пил Хлеманок и его братья?! Какой же был крепкий Хлеманок. Если бы я пил так, как Хлеманок, то я бы уже давно помер. И выпил Виктор Хлеманок водки за всю Россию! А если бы Хлеманок не пил, он бы прожил сто лет. Но вот и Хлеманок уж умер от пьянки позапрошлый год. Пьющие — бедные.

А богатые и бедные, это же злость, ненависть среди низшего населения к богачам. Это сегодня видно. И еще здесь такая проблема, что сейчас есть воровство в государстве, и это все видно, что такое воровство не наказывается. И коррупция отсюда, все это нечестно. А честный труженик работает день и ночь и мало чего получает. А они богатые вот еще так — «пальцы веером» и смеются над нами. От этого злость. Злость чувствуется у нас в Каликино, что такая нечестная жизнь настала повсюду».

Родина и свобода

«А без Каликино я жить не могу. Вот веришь, если я на несколько дней из села уеду, то тосковать начинаю, и душа у меня болит. Сразу представлять себе начинаю наш холм на Зареченской улице, и луг, и Гусятку, и что там происходит во все времена года. Раньше у нас по весне была полая вода, которая не вела так себя, как ныне. Раньше вся эта поляна перед нашим домом была вся залита — течение было страшное — все смывало. И река была глубокая и чистая. А сейчас мы сами удивляемся, что в половодье река не выходит из берегов. И никто не знает, куда вода девается! А вспоминаю себя в детском возрасте, и тогда у нас зима начиналась не так, как сейчас. Осенью дожди, дожди. И на поляне везде лужи большие. А потом — раз, и резко мороз! И земля промерзала, может, на полметра. И мы вот тут ходили играть, было чисто-чисто, снега не было. Так зима начиналась. А сейчас наоборот: осенью — дожди, слякоть-слякоть, а по-

том на талую землю снег выпадает. А потом уже после этого мороз, и уже земля не промерзает. Вот такой слой снега, он держит мороз, не пускает его. У нас такие уже были две последние зимы — снега было много, почти около метра. Мы радовались, что снега много, и в половодье вода будет большая. А начинает таять, куда снег девается — не понятно. Снег стает, а земля талая, и снег, вода куда-то туда уходит вниз, и все. И разлива нет! И это уже много лет, наверное, пятнадцать лет уже точно разлива нет. И река не прочищается. И листья, ветки палые в реку падают, и вот такой слой на реке скапливается.

Там, где сходятся речки Гусятка и Слободка, там просто сплошное безобразие, там просто болото стало. И вот луг за нашей стороной, его с огорода видно. И там тоже стали кустики пробиваться, а раньше вообще ничего такого не росло, ничего не было. А это из-за того, что коров не стало, а раньше здесь сто коров пасли. А раньше каждая коровка по щепоточке стопчет, и травка всегда была молодая — кустов нет. А сейчас коров не стало. И трава вырастает по колено. А потом она уже засыхает, друг на дружку ложится — бурьян уже, и сквозь него пробиваются уже эти кустики, самопроизвольно. Это ветла, мы ее вешками зовем. И я купил трактор, а потом у меня еще и косилка есть. И я уже два сезона, два лета выкашиваю здесь траву.

Сейчас мне трактор надо доделать, но ведь я его и завтра доделаю. То есть что-то все время находится, что отвлекает. Но зато меня никто и не погоняет, я чувствую свободу, и это хорошо, мне это нравится. Я машину на ремонт поставил, и пусть стоит, хоть целый месяц, когда захочу, тогда всю ее и сделаю. А если бы куда-то пошел на работу, например, в тот же колхоз, то меня все равно что-то заставили бы делать. И я немножко этим наслаждаюсь, что никто меня не заставляет. В прошлом году было лето очень жаркое, так мы просто целые дни пропадали на реке, этим только и спасались. И это лето тоже жаркое было, и мы тоже были на реке, и как-то так хорошо отдохнули. А то бывали, например, такие года, что я в сезон два-три раза искупался, и все. Как в поле уезжаешь и там целыми днями и сидишь, трудишься, лето проскочило, а ты его и не увидел. И я как-то подумал, что же такое — жизнь вот так проскочит, а ты ее тоже не увидишь, не почувствуешь, как это все прошло. А хоть чуть-чуть и поменьше зарабатываешь, но зато и себе же полегче. А то себя гробили по заданиям в этом колхозе!

Вот и брат мой Саша со мной соглашается. И он сейчас индивидуальный предприниматель. И он тоже доволен, говорит, что могу поехать — могу и не поехать, могу и отложить, остаться и сделать более важные дела. То есть свобода, она нас привлекает, и это хорошо. Другое дело, что у нас она какая-то дикая свобода получается, часто — или ничего, или все! Бывает затишье, что никто ничего у меня не просит, так неделя прошла, и ни копейки я не подработал. А хлеб-то каждый день надо есть, вот так! И свет, газ, телефон, за это тоже каждый месяц платить надо. Приходится тогда экономить.

А место, где мы живем, оно самое красивое в Каликино — река, простор, зелень. И с соседями нет никаких раздоров — никто мусор не имеет права здесь вот свалить, и я тоже никому вредить не буду. И места здесь много, вот до тех пор это все мое. И вот там КамАЗ стоит, и это почти все мое. И у реки место, это тоже все мое!»

Заключение: Колина доля

Это крестьянское Колино «мое!» звучит как-то особенно трогательно-беззащитно по нашим нынешним жестким частно-собственническим временам. Я расспрашивал Колю и его семью об их имущественных правах, например, на землю. Николай и остальные члены семейства отвечали на такие вопросы довольно неуверенно, придерживаясь в своих рассуждениях традиционных крестьянских воззрений, что их земля та, на которой жили они и их предки, и которую они испокон веков обрабатывали.

С точки зрения идеолога прогресса, Коля и его односельчане сами виноваты во всех своих заботах и бедах, бестолково влачат они свою курьезно иррациональную жизнь, кое-как сводят концы с концами своего крестьянского трудопотребительского баланса на общем центральночерноземном фоне идиотизма деревенской жизни. Тут можно лишь заметить, что Николай и односельчане в большинстве своем до самой своей смерти стремятся зарабатывать свой хлеб своими руками, — пусть и архаично неумело по нашим нынешним ловко постмодернистским временам. Интегрировать их извечные трудовые крестьянские практики в современную жизнь, найти пути развития крестьянских миров в современных условиях, — эта непростая задача, к сожалению, до сих пор в основном остается вне поля зрения ныне господствующих науки и политики.

У Коли есть мечта. Он никогда не видел Волгу, и ему очень хочется ее увидеть. Призванный в начале 80-х годов в Советскую армию, он, хоть и не по своей воле, но повидал самую западную и самую восточную границу страны. Он начал службу в пограничной учебке на Балтике, недалеко от Калининграда, а закончил службу на тихоокеанской погранзаставе, недалеко от Берингова пролива. Ему приходилось ездить на своих грузовиках не только в Москву, но и в Ростов, например, однако в сторону Волги он рейсов никогда не делал. А поехать просто так отдохнуть, повидать Волгу ему не представлялось возможным из-за его вечной занятости по хозяйству. Летом прошлого года, направляясь на машине в командировку в Саратов, я заехал по пути повидать Николая и стал его уговаривать поехать со мной хотя бы на день посмотреть Волгу под Саратовом. Потом ближайшим поездом он мог бы вернуться обратно в свои края. Коля сначала загорелся и уже готов был решиться на спонтанное путешествие, но потом вспомнил, что договорился на завтра с электриками, которые будут чинить у него в гараже проводку. А потом застеснялся, что трудно будет оставить так неожиданно полуслепшую мать хотя бы на сутки самой управляться по хозяйству. Вздохнув, в конце концов, решил: «Нет, не могу, видишь... Значит, не судьба, давай, может, как-нибудь получится в другой раз...»

Мне Николай не то чтобы жаловался, а, как говорится, констатировал, что каждый свой новый день он начинает в неведении: чем и в какой последовательности ему всеми своими делами придется заниматься. Всякий день у него множество забот, и он столь многим постоянно необходим в деревне.

— Колька-я, — якая по-рязански, напоминает ему из своего угла рачительная мать, чтобы он задал корму пороссятам.

— Коля-я! — бегут навстречу племянники, вернувшиеся из детсада и собирающиеся поделиться с любимым дядей своими последними детскими новостями.

— Никола-а-й! — зовут сверстники-односельчане опять с предложениями, где чего вспахать-скосить, построить-поремонтировать, перевезти-поспекулянить.

А кругом гогочут гуси, во дворах кричат петухи и похрюкивают свиньи. И каждый день безотказно устремляется навстречу людям, природе и встающему над ними солнцу российский крестьянин Николай Добрый.